

Семиотический подход к анализу культуры, выработанный структурализмом, и интерпретационные модели ее исследования, базирующиеся на достижениях герменевтики и постструктурализма (в частности, концепция К. Гирца), различаются в своих эпистемологических основах. Как подчеркивает А. Зорин, антиструктуралистская ориентация «Интерпретации культур» К. Гирца не просто прозрачна, но ясно постулирована. В своих попытках преодолеть структурализм К. Гирц обращается к категориальному аппарату герменевтики – подходу к анализу культуры, использующему понятия «семиотический» и «интерпретативный»¹²⁵⁰.

Характерно, что эволюция структуралистского семиотического подхода к исследованию культуры в творчестве одного из наиболее выдающихся его представителей, Ю.М. Лотмана, показывает изменение понимания им текста и его функций в условиях новой эпистемологической ситуации в развитии гуманитарного знания, сложившейся в последнее десятилетие XX века. В своих последних работах ученый обосновывал представление об активности и субъективности текста, вступающего во множественные отношения с различными контекстами и порождающего тем самым различные смыслы и толкования. Так, он отмечал: «Такое «перекодирование самого себя» в соответствии с ситуацией обнажает аналогию между знаковым поведением личности и текста. Таким образом, текст, с одной стороны, уподобляясь культурному макрокосму, становится значительнее самого себя и приобретает черты модели культуры, а с другой, он имеет тенденцию осуществлять самостоятельное поведение, уподобляясь автономной личности (курсив мой – О.П.)... Процесс дешифровки текста чрезвычайно усложняется, теряет свой однократный и конечный характер, приближаясь к знакомым нам актам семиотического общения человека с другой автономной личностью»¹²⁵¹.

Несмотря на неоднозначное отношение историков к проблеме междисциплинарных заимствований и методологии исследования культуры, основанной на ее «текстуализации», историк может при соблюдении определенных условий плодотворно использовать методы семиотики в изучении историко-культурных явлений прошлого. Как отмечает Б.Г. Могильницкий, главным условием использования историками концепций и методов других дисциплин является обеспечение ведущей роли методологии исторической науки в постановке исследовательских задач и определении направления их решения¹²⁵². Необходимо четко осознавать не только возможности, но и пределы и ограничения в использовании теорий и методик смежных дисциплин в историческом исследовании. В каждом конкретном случае историк должен ясно определить, исходя из целей своего труда, какие концепции, термины и методы он заимствует из смежных областей социального и гуманитарного знания. Задача ученого – выбрать те концептуальные основания и базирующиеся на них методы, которые в наибольшей степени соответствуют природе изучаемых феноменов, познавательным задачам и источниковой базе исследования.

Т.И. Пронько, М.А. Коровкина
Екатеринбург

ПАРАДИГМЫ XX – XXI века: НТР, ЦИВИЛИЗАЦИЯ, КУЛЬТУРА

Двадцатое столетие ознаменовано грандиозным событием: выходом человека в космос. То о чем мечтали русские космонавты – стало явью. За всю историю развития

¹²⁵⁰ Zorin A. Ideology, semiotics, and Clifford Geertz: some Russian reflections// History and Theory. Studies in the Philosophy of History. Volume 40. 2001. № 1. P. 57-73.

¹²⁵¹ Лотман Ю.М. Семиотика культуры и понятие текста // Лотман Ю.М. Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб., 2002. С. 89-90.

¹²⁵² Могильницкий Б.Г. История на переломе: некоторые тенденции развития современной исторической мысли // Междисциплинарный синтез в истории и социальные теории: теория, историография и практика конкретных исследований. М., 2004. С. 13-14.

человеческой цивилизации не было события, сравнимого с этим. Научно-технический прогресс начал развиваться с поистине космической скоростью. Скорость развития была такова, что человечество не успевало до конца осознать последствия этого развития.

Философская мысль часто не поспевала за научно – техническим прогрессом. Философы разума не могли до конца осмыслить то, что происходило в естественной науке и технике. Уже в начале XX столетия И. Бердяев, О. Шпенглер, Ницше и другие философы забили тревогу по поводу того, что современная цивилизация «поглощает» культуру. И Бердяев и О. Шпенглер считали: там, где начинается цивилизация – начинается культура.

Традиционным для философов рубежа XIX – XX вв. было представление о культуре как воплощение чистой духовности, а цивилизации – как господства машин – не было беспочвенным. Машины наступали и «беззащитная» духовность в лице Н. Бердяева не могла противопоставить ей надежного заслона. Культура умирает, с ужасом провозглашали Бердяев и О. Шпенглер. Бог умер – вторит им Ницше.

Все ценности культуры, которым человечество было беспрекословно предано многие столетия, оказались между молотом и наковальней: научно-технической революции, которая как им казалось вот-вот сотрет в прах все достижения предшествующей культурной истории и духовной жизни.

По-существу, научно-технический прогресс застал врасплох философскую мысль начала XX в., за исключением философов-космистов и В.И. Вернадского с его концепцией неосферы, которые готовы были встретить достойно и осмыслить бурный натиск научно – технического прогресса.

В.И. Вернадский представил свою концепцию неосферы, как сферы разума, который достигает планетарного масштаба. Человеку XX столетия необходимо, считал Вернадский, планетарное мышление. И он был прав. Обгоняя время и других философов, предвидя развитие науки в масштабах планеты Земля, Вернадский пытается вписать человека в масштаб четырех планетарных геологических эволюционных процессов, которые благодаря деятельности человека на планете Земля, колоссальным образом изменили ее облик. Деятельность человека достигла космических масштабов.

Развитие науки и техники XX в. успешно подтвердили эти размышления Вернадского: человек в прямом смысле выходит в космос и становится «повелителем вселенной». Но этот факт несет и тревожный оттенок: насколько человек готов к этой высокой миссии, насколько человек осознает свою ответственность за эту, как оказалось, хрупкую и даже беззащитную планету Земля. Насколько освоение ее недр, природоиспользование в целом не наносит вреда природе: вырубка лесов, загрязнение рек и воздуха – вот обратная сторона медали – научно-технического прогресса и активной деятельности человека.

Последствия Чернобыльской аварии, Хиросимы и Нагасаки – не слишком ли велика цена тех благ, которые имеет человечество в XX – XXI вв.?

Уничтожение огромных ареалов лесов, исчезновение целых видов животных – такова цена современных благ. Таким образом, человечество сегодня подошло вплотную к той черте, заходя за которую оно само приближает экологический апокалипсис. Времени для обуздания негативных последствий НТР и ликвидации последствий экологического кризиса остается все меньше и меньше.

Выход видится в одном: формирование планетарного мышления, важнейшей составляющей экологической культуры человека. Внедрение новых безотходных технологий, альтернативных видов энергии, и формирование духовности и культуры человека.